

В. А. Лякин

КАЛИНКОВИЧИ И КАЛИНКОВИЧАНЕ

Историко-краеведческий сборник

Минск
«Колорград»
2021

УДК 94(476.2-21Калинкович)
ББК 63.3(4Бел)
Л97

Лякин, В. А.

Л97 Калинковичи и калинковичане : историко-краеведческий сборник / В. А. Лякин. – Минск : Колорград, 2021. – 400 с.
ISBN 978-985-596-861-1.

По страницам этой книги читатель совершит увлекательное путешествие в прошлое города Калинковичи, районного центра на Белорусском Полесье, узнает о забытых и малоизвестных страницах его истории, судьбах некоторых калинковичан.

Адресуется широкому кругу читателей.

УДК94(476.2-21Калинкович)
ББК 63.3(4Бел)

ISBN 978-985-596-861-1

© Лякин В. А., 2021
© Оформление. ООО «Колорград», 2021

...Хотел бы малой птицей пролететь я
Сквозь бури, грозы, ливни, лихолетье
И вновь вернуть безоблачность погоды,
Отцовский дом, младенческие годы.
...Тот край счастливый, небогатый, скромный
Был только наш, как божий мир – огромный.
Все в том краю лишь нам принадлежало,
Все помню, что тогда нас окружало,
От липы той, что на холме росла там
И зеленью дарила тень ребятам,
До ручейка, бегущего по скатам,
Все близко было нам и все знакомо
Вплоть до границы, до другого дома.
...Друзья мои, лишь в руки взял перо я,
За словом слово в песню мне бросали,
Как в сказке журавли, что услышали
Над диким островом в стране тумана
Крик заколдованного мальчугана,
По перышку бросали, по другому, –
Он, сделав крылья, долетел до дому.
Дожить бы мне до радостного мига,
Когда войдет под стрехи эта книга,
Чтоб девушки за пряжею кудели
Не только бы родные песни пели
Про девочку, что скрипку так любила,
Что и гусей для скрипки позабыла,
Про сиротинку зорьку-заряницу,
Что на ночь глядя загоняла птицу, –
Чтоб взяли девушки ту книгу в руки,
Простую, как народных песен звуки.

Адам Мицкевич, 1832 год

Ёсць на Палессі горад

Цяжка нават і сказаць, чаму так засцерагаецца наш сённяшні час свайго мінулага, старанна хаваецца за тое, чаго і не было: паданні, небылі і міфы. І няма нічога больш прыемнага, калі праз гэтыя напластаванні навостронай сучаснай цаліны далучаешся да сапраўднасці. Мы больш ведаем пра старажытных этрускаў, рымлян і грэкаў і трымаем у занядбанні кут сваёй зародкавасці. Адкуль мы пачаліся, крыкнулі, піскнулі, убачылі родную зямлю і адчулі бязмежнасць свету. І гэта, можа, галоўнае, што можна сказаць пра новую кніжку краязнаўца Уладзіміра Лякіна «Калинковичи и калинковичане». З пачуццём адкрыцця сябе і невядомага мне мацерыка – матчынай зямлі, зямлі сваіх бацькоў, дзе пачаўся і сам я, – чытаў гістарычны нарыс пра родны і назаўжды прырослы да мяне куточак мілага палескага краю. Пясчынку сусвету, якую не здолеў ні страціць, ні пахаваць у курганах вякоў вецер забыцця. Уражаны неадрыўнасцю гэтай пясчынкі ад сваёй прарадзімы, яе далучанасцю і непарыўнай повяззю з гісторыяй сённяшняй Беларусі і колішняга Вялікага Княства Літоўскага, у якое так добра ўпісваецца маё роднае Палессе, у прыватнасці назаўжды паяднаўшыя мяне з ім Каленкавічы, на якія адкрывае вочы, без перабольшвання, падвіжніцкай працай гісторыка-даследчыка, летапісца края У. А. Лякін.

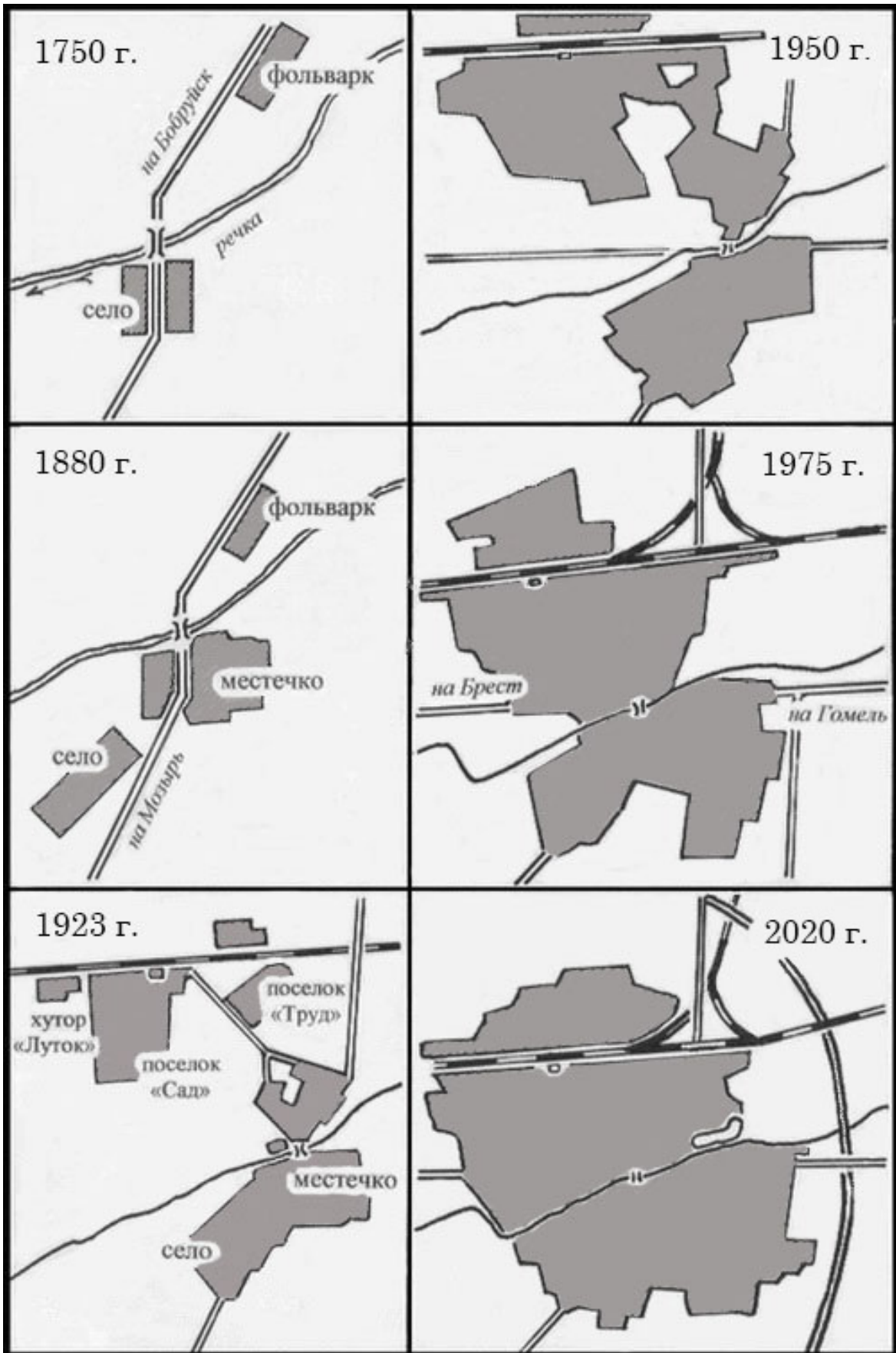
Амаль семдзесят гадоў таму я з гэтага краю, каленкавіцкага чыгуначнага вузла, пайшоў у свет, у беспрытульніцтва, шукаць долі на чуж-чужаніне – на Алясцы, якую, па маім неўцтве, амерыканцы павінны былі перадаць Расіі – заканчваўся, зноў жа па маім меркаванні, тэрмін арэнды таго колішняга расійскага краю. Якраз пад гэты тэрмін я імкнуў апынуцца на Алясцы, амаль Беламор’і, да якога пнуліся ўсе беларусы і расіяне. Мроі, трызненне, морак. Але не зусім я пакідаў Каленкавічы занядбанымі. Антрацытавы дым і гар гулялі па горадзе, яго вуліцах, акаліцы. Яскрава напаўжабрацкае наша існаванне, пра якое у свой час паэт сказаў: «Невесёлая дорога, небо, ельник да песок», пясок адметны і паўсюдна сумны ў горадзе майго дзяцінства.

Але зусім нядаўна я зноў наведаў свой родны кут, і нібы машынай часу быў перанесены праз, здаецца, стагоддзе ў неведомы мне амаль замежны, заходне-еўрапейскі горад, адметны здзіўляльнай для мяне навіной і адначасова спалучэннем у маім уяўленні гэтай навіны з ведамай мне з дзяцінства яго старажытнасцю. Горад, у якім я некалі апякаў ногі ў пяску яго вуліц і імкнуў да ценю акацый, цяпер жа цешыў вока свежасцю, ласкава сонечнай усмешкай твару. Горад, які спазнаў усё. Вынішчэнне пажарамі і войнамі, але вытрываў, выстаў дзякуючы захаванню годнасці сваіх жыхароў, іх гераізму. Адно толькі чаго вартыя барацьбіты з фашыстамі, падлеткі-смугнараўцы. Падпольшчыкі, учора яшчэ школьнікі, а калі прабіў час грамадзянства, аб’яднаныя ў моладзевую групу змагароў пад дэвізам: «Смерть угнетателям народа». Пра гэта мы даведаліся дзякуючы дзённіку К. Ярмілава – кіраўніка моладзевай падпольнай групы, пошуку слядоў той групы малодшым братам смугнараўца Сямёна Шаўчэнкі – Сяргеем Шаўчэнкам, паэтам, аўтарам шматлікіх паэтычных зборнікаў, з якім я ў свой час вучыўся ў адным класе чыгуначнай школы.

Так нечакана, ужо на схоне гадоў, адкрыўся мне гісторыяй, гераічнасцю і людзьмі, побач з якімі я жыў, назаўжды любы мне горад. Адно толькі непамысна і крыўдна мне, што бацькі яго, хаця і рупліва, пераўтвараюць яго з-за нядбанасці ў сучасны, варты веку горад. Але, але... Не аддаюць належнае тым, хто ўвекавечвае гэты кут. Хаця гэта агульная наша немач: культура і гісторыя сёння выжываюць і ствараюцца больш аматарамі, без дзяржаўнага клопату і падтрымкі. Іх высілкі, іх творы бачаць свет у большасці за іх жа ўласныя пенсіённыя капейкі. Толькі каб не давялося нам заўтра бедаваць. Напрацаванае імя, у тым ліку і кнігі пра родны кут, павінны даходзіць да кожнага. Іх павінны мець кожная мясцовая бібліятэка, кожная школа і школьнік, каб хоць крыху ведаць свой радавод, сваіх папярэднікаў: Змушко, Церашкаўцоў, Андрыеўскіх, Сергіевічаў, Ярмілавых, Шаўчэнак і інш. Каб не губіліся імёны наступнікаў. Імёны тых, хто вызначае сёння лёс і твар старажытнага горада.

Віктар КАЗЬКО, пісьменнік, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі БССР

Глава 1

РОДОСЛОВНАЯ

НАЗВАНИЕ. Наиболее раннее из известных сегодня упоминаний о Калинковичах датируется 1552 годом, когда была составлена одна из описей Мозырского замка. Там был перечень приписанных к замку окрестных населенных пунктов, и между ними упомянуто село КАЛЕНИКОВИЧИ. Существует несколько версий возникновения этого названия. В книге ученого-филолога А. Ненадовца приведена старинная калинковичская легенда о маленькой девочке, которую однажды в лесу разорвали голодные волки. Отец в память о ней посадил у своего дома много молодых деревьев калины, которые и дали название селению. Наш земляк, историк и археолог В. Ф. Исаенко (1928–2010) полагал, что в основе этого топонима лежит одно из значений белорусского слова «калена» – расстояние от одного изгиба дороги до другого. Действительно, как видно на дорожной карте начала 19 века, селение в три десятка дворов располагалось на таком «калене» протяженностью в полверсты (ныне отрезок улицы Советской от изгиба у торгового центра «АнРи» до изгиба после кольцевой дорожной развязки). Высказывалось также мнение, что название местечку дали евреи, переселившиеся сюда в давние времена из немецкого города Кёльн, или что топоним является производным от названия протекавшей по окраине села речки, обозначенной на карте 19 века как Каленковка (хотя скорее бывало наоборот). Некоторые краеведы предполагали, что основой для образования названия Калинковичи послужило имя Николая (Каленика) Радзивилла Черного, бывшего в 16 веке мозырским поветовым старостой. Ему принадлежало немало окрестных деревень, но Калениковичи с момента основания и до конца Речи Посполитой были великокняжеским владением.

Учеными-лингвистами установлено, что окончание «овичи» было характерным для белорусских селений, возникших в 15–18 веках, и является показателем того, что оно было основано группой кровных родственников. Поэтому сегодня наиболее убедительной представляется версия, что первопоселенцами здесь были потомки человека по имени Каленик (вариант церковнославянского имени Каллиник, в переводе с греческого – «славный победитель»). Правда, в упомянутом документе 1552 года, где поименно указаны все главы приписанных к Мозырскому замку семей, у нескольких калениковичских такое имя не встречается. Но это значит лишь то, что первопоселенец Каленик к тому времени уже покоился на местном погосте. Однако имя было достаточно распространенным. В городе Мозырь тогда проживал некий мещанин Козел Каленикович, в соседних селах – крестьяне Каленик Филиппович, Каленик Игнатъевич, Каленик Колотовчиц, Микита и Василь Калениковичи.

В письменных источниках 16–20 веков название села, местечка последовательно трансформировалось от первоначального *Калениковичи* через *Каленкавичи* (*Коленковичи*) в современные *Калинковичи*. В конце 19 века названия Каленковичи и Калинковичи употреблялись какое-то время одновременно, причем первое относилось к соседствовавшим местечку, фольварку и селу, а второе – к находившейся неподалеку железнодорожной станции. Существует даже запись, где оба варианта соседствуют в одном предложении. В метрической книге Свято-Никольской церкви 8 февраля 1895 года была сделана запись о том, что скончался «...станции Мозырь-Калинковичи житель, отставной рядовой Николай Петров Камаев, 65 лет, похоронен на кладбище местечка Каленковичи». Как отметил известный белорусский ученый-лингвист В. А. Жучкевич, «...первоначальная форма Каленковичи была обычной в устном произношении до недавнего времени. Замена коренного *е* на *и* – результат переосмысления в поисках более благозвучных форм». Последний вариант топонима получил свое официальное закрепление в справочнике 1909 года «Список населенных мест

Минской губернии». В нем приведены три населенных пункта с таким названием: местечко Калинковичи (в 1,5 версты от станции «Мозырь» Полесской железной дороги), село Калинковичи – в 2 верстах и фольварк Калинковичи – в 1 версте. С течением времени фольварк, село и местечко, а также поселок при железнодорожной станции слились в один населенный пункт – город Калинковичи.

ГОРОДИЩЕ. Считается, что история Калинковичей насчитывает почти пять веков. Между тем установлено, что люди в этих местах жили уже 26 000 лет назад. Именно тогда небольшая кочевая группа кроманьонцев, охотников на мамонтов, прежде чем устроить свой временный лагерь на Юровичской моренной гряде, могла проходить по извилистой звериной тропе меж болотами, что ныне улица Советская в Калинковичах. Но минуло еще 22 000 лет, прежде чем в современной городской черте Калинковичей появилось первое постоянное поселение. Его следы были выявлены в 1961 году археологической экспедицией под руководством кандидата исторических наук В. Ф. Исаенко на пустыре, где сегодня заканчиваются улицы Волкова и 50 лет Комсомола. Основанное примерно 2 000 лет до н. э. маленькое селение первых охотников и рыболовов, занимавшихся уже и примитивным земледелием, к 6 веку до н. э. выросло в размерах и приобрело черты укрепленного городища. Оно располагалось на возвышенности, имело форму овала (примерно 70 × 100 метров), было обнесено высокой земляной насыпью и деревянным частоколом. С севера поселение прикрывала весьма полноводная тогда речка (ныне – Калинковичский мелиоративный канал), с запада – обширное озеро (сейчас не существует). Городище состояло из нескольких полуземлянок примерно 15 квадратных метров каждая, с очагом из камня и глины, стенами из обмазанных глиной бревен, легкой, крытой камышом крыши. Рядом с жильем имелись погребя для хозяйственных целей. По остаткам керамики и орудий труда археологи установили, что здесь проживали, сменяя друг друга, представители т. н. «милоградской» и «зарубинецкой» культур. Они принадлежали к финно-угорской племенной группе, затем это были пришедшие сюда с юга славяне-дреговичи. Основными занятиями первых условных калинковичан (нам, к сожалению, неизвестно, как они называли себя и свое поселение) были рыболовство, охота, разведение скота и подсечное земледелие. Городище прекратило свое существование в первой половине 13 века, скорее всего, было уничтожено нагрянувшим сюда зимой 1241 года татарским отрядом из орды хана Батыея, что разграбил и соседний Мозырь.

За этими, но уже с севера, сюда пришли дружины литвинских князей, и в 1341 году Калинковичская земля вошла в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ). Жизнь на Полесье зримо налаживалась, подсечное земледелие сменилось более эффективным пашенным. Население росло, и в середине 16 века люди вернулись на это благодатное место, чтобы основать новое поселение.

СЕЛО. В уже упомянутом документе 1552 года «Описание Мозырского замка за держанием Миколая Нарбута, воеводы Подляшского» содержится подробное описание самого замка, города Мозыря и приписанных к ним селений Мозырской волости, 24 из которых находились на территории современного Калинковичского района. Одно из них именовалось «село Гулевичи, Калениковичи, Путиловичи», т. е. состояло из трех отдельных поселений. Ныне агрогородок Гулевичи находится в 8-и километрах юго-восточнее райцентра Калинковичи, а деревня Пеница (ранее Путиловичи) – еще в 4-х километрах к юго-востоку. Старославянское слово «село» обозначает поселение, имеющее свой храм. В Пенице своей церкви никогда не было, в Гулевичах на тот момент она еще не существовала, а в Калениковичах уже имелась маленькая деревянная церквушка во имя Св. Николая Чудотворца.

Своего настоятеля при малом количестве прихожан в ней не было, и для проведения необходимых служб и обрядов (крещения, отпевания и др.) сюда периодически приезжал один из священников мозырской Свято-Никольской церкви. В документе 1552 года поименно перечислены главы 19 проживавших в этом трехсоставном селе крестьянских семей, и, как можно предположить, 6–7 из них, а возможно и больше, были калениковичанами. Село входило в состав Домановичской «недели» Багримовичского староства Мозырского повета Минского воеводства ВКЛ.

В середине 16 века в ВКЛ был утвержден т. н. «Устав на волоки», закон о проведении земельной реформы. Крестьянская семья могла получить во владение «волоку» (21,4 гектара) пахотной земли и сенокоса, платила за это в великокняжескую казну налог и выполняла различные государственные повинности. Повсеместно в густых полесских лесах стали появляться новые «ляда» вырубленные и раскорчеванные под пашню участки, составлявшие уже десятки гектаров. С августа по октябрь 1560 года в Мозырском повете работала назначенная польским королем Сигизмундом II Августом специальная люстрационная комиссия, которую возглавляли Слонимский староста Григорий Волович и королевский секретарь, Мядельский владделец Николай Нарушевич. Эти чины в сопровождении местных владельцев и служивого люда обследовали сельскохозяйственные угодья, осматривали старые и устанавливали новые межевые знаки. В протоколе осмотра делались соответствующие записи о местных административных границах. Итоги ревизии той же осенью были зафиксированы в документе с названием «Ревизорское ограничение королевских сел Водовичи, Козловичи, Замостье, Домановичи, Дудичи, Капличи, Кротов, Гулевичи, Каленкавичи...». Как видим, спустя восемь лет после первого упоминания Калениковичи уже стали отдельным селом Каленковичи с принадлежащей местной общине территорией примерно сто квадратных километров. «От реки Припяти речкой Неначь, – гласит граничная запись в люстрационном документе, – вверх до брода Кавня, от него до болота Лозкового, этим болотом и бором в речку Неначь, вверх до урочища Заковоня, оттуда лесом в Переток, от того Перетока в речку Ситницу на селение Путиловское, оттуда речкой Лабуть вниз в реку Припять, Припятью вверх до речки Неначь, откуда граница начиналась». За истекшие столетия часть названий этих ориентиров была утрачена, но некоторые сохранились и по сей день.

Через село проходил т. н. «Константинопольский шлях», первая в княжестве сухопутная дорога государственного значения, что способствовало росту и процветанию Каленковичей. Но «золотой век» длился тут, к сожалению, недолго, и в середине 17 века прервался ожесточенными войнами между Речью Посполитой (конфедерация Польши и ВКЛ) и Московией. Их последствия были для Каленковичей и всей Мозырщины поистине катастрофическими. Обратились в пепел все здешние поселения (некоторые уже не возродились), половина пашни заросла кустарником и лесом, население за три кровавых десятилетия сократилось почти втрое.

Со временем село возродилось и отстроилось. Согласно составленному в 1775 году документу «Инвентарь Багримовичского староства Мозырского повета Минского воеводства ВКЛ» здесь было уже 29 «дымов» (домовладений), где проживали около двухсот человек государственных («великокняжеских») крестьян обоих полов. В конце 18 века, после присоединения этой части белорусских земель к Российской империи, село получило статус местечка, где совместно проживали белорусы-хлеборобы и евреи, ремесленники и торговцы. Во второй половине 19 века село Каленковичи вновь официально возродилось рядом с одноименным местечком. Подробных планов и описаний по Каленковичам за 19 век не сохранилось, и можно только предполагать, что в течение нескольких десятилетий христианское

население постепенно перебиралось за южную окраину селения, где находилась Свято-Никольская церковь, продавая свои приусадебные участки более богатому и постоянно растущему численно еврейскому населению. Царским указом от 16 мая 1867 года государственные крестьяне белорусских губерний были переведены в разряд крестьян-собственников. Им предоставлялись земельные наделы с погашением задолженности за их выкуп в течение 49 лет. Известно, что в 1868 году прибывшие из Минска и Речицы землемеры составили планы владений всех каленковичских домохозяев-собственников, которые были приложены к составленному тогда же люстрационному акту. Он был утвержден Минским губернским присутствием по крестьянским делам и сдан на вечное хранение в архив губернского правления. К сожалению, поиски этого очень важного для калинковичской истории документа в Национальном историческом архиве Беларуси результатов не дали. К 70-м годам 19 века «тутэйшыя» белорусы уже проживали компактной группой в селе (начало нынешней улицы Волгоградской), в то время как местечко стало почти сплошь еврейским.

Село Каленковичи по материалам всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года насчитывало 73 двора и 388 жителей. Оно еще больше расширилось, а его единственная улица приобрела близкие к современным очертания в 1909 году, когда сюда были произведены т. н. «столыпинские выселки» (наделение крестьян землей в ходе проводившейся по инициативе главы правительства П. А. Столыпина аграрной реформы). В 1930 году Калининковский православный Свято-Никольский храм был закрыт, а село по новым правилам стало именоваться деревней Калининвичи. В конце 1929 года здесь был создан колхоз «Красный пахарь», в который вошли здешние жители, а также ныне не существующей соседней деревни Корчага. В 1937 году единственная улица деревни получила название Крестьянская. В годы Великой Отечественной войны многие дома на этой улице были заброшены, сгорели или разобраны на дрова. В заметке бывшего партизанского командира К. Бакуна «Адгрымелі паходы» (районная газета «За камунізм» 11.01.1964 г.) упомянут находившийся на этой улице дом, где в начале июня 1942 года решался вопрос о создании партизанского отряда, который со временем вырос в грозную для врага 99-ю Калининковичскую партизанскую бригаду. «...Вуліца Сялянская, дом № 82. Першая нарада падпольшчыкаў. Тут і было вырашана стварыць партызанскі атрад імя Варашылава. Жменька людзей – камандзір, камісар Дз'ячэнка, начальнік штаба Лаеўскі, сакратар партарганізацыі Караткевіч – пачалі дзейнічаць». С февраля до июня 1944 года на улице Крестьянской в Калининвичах размещался штаб 61-й армии, здесь же, в одном из домов в конце улицы, проживал и ее командующий генерал Герой Советского Союза П. А. Белов (1897–1962). Как вспоминали старожилы, в связи с обеспечением режима безопасности и секретности все местные жители были расселены отсюда по другим улицам города. Они вернулись в свои дома, когда в ходе операции «Багратион» советские войска погнали врага дальше на запад.

Калинковичский колхоз с 1950 года носил имя И. В. Сталина, а с 1961 года назывался «За Родину». В мае 1965 года улица Крестьянская, а также одноименный переулок, улицы Николаева, Лермонтова, Гомельский тракт и переулок Белова были изъяты из состава Калининковского сельсовета и включены в черту города. В 1967 году эта протяженная (1,6 километра) улица была переименована в честь города Волгоград, стала называться Волгоградской.

ФОЛЬВАРК. Государственные имения, бывшие в великокняжеской собственности, стали появляться в восточном Белорусском Полесье с середины 16 века. Они были поделены на первичные административные единицы – «староства», которые король Речи Посполитой даровал своим феодалам на временное пользование за службу, в первую очередь военную. Арендатор платил в казну сумму, равную четверти (позже – половине) годо-

вого дохода с имения. Каленковичи и несколько окрестных казенных селений (Гулевичи, Бобровичи и др.) вошли в состав 2-й части Багримовичского староства Мозырского повета Минского воеводства. Багримовичи, ныне маленькая деревня у западной границы Калининковского района, в те времена имела 15 «дымов» и была наследственным владением местного шляхетского рода Оскерок. Первым известным нам владельцем Багримовичского староства был шляхтич Антоний Оскерко (около 1670–1734), маршалок Мозырский. Он постоянно проживал в Мозыре, а все дела по управлению частями староства вели экононы (из мелкой шляхты, обычно дальние родичи Оскерок). Эконом 2-й части имел свою резиденцию и место проживания в Каленковичском фольварке (от нем. «хутор»). Он возник, предположительно, в последней четверти 17 века, когда село Каленковичи вновь возродилось после завершения очередной войны ВКЛ с Московией.

Как выглядел фольварк в те давние времена, мы знаем благодаря двум людям из разных эпох. Первый – дворянин, ротмистр Мозырского повета Матеуш Русецкий по распоряжению Комиссии Речи Посполитой Скарба ВКЛ составил 26 апреля 1776 года, подписал и утвердил своей печатью «Инвентарь Багримовичского староства Мозырского повета Минского воеводства Великого княжества Литовского». Второй – наш современник, доктор исторических наук, профессор Института истории НАН Беларуси В. Ф. Голубев лет десять назад выявил этот документ в фондах Государственного исторического архива Литвы и перевел его с польского на белорусский язык. Калининковский фольварк занимал обширную территорию на восточной стороне современной улицы Советской, примерно от здания № 35 (общежитие Полесского аграрного колледжа) до соседствующего с городским парком здания ДЮСШ № 2. В глубину его территория доходила до трибун нынешнего городского стадиона. Фольварк присутствует и на дорожной карте 1825 года, где он изображен в виде прямоугольника примерно 700 × 400 метров. Это был комплекс деревянных жилых и хозяйственных построек при почтовом тракте, обнесенный высоким «парканом» из заостренных сверху кольев, окруженный огородами, пахотными полями и сенокосами.

Парадный вход (двухэтажная крытая гонтом «брама») располагался на месте тротуара напротив средней части нынешнего многоквартирного дома № 31 (со времени постройки в начале 90-х годов прошлого века неофициально именуется «китайская стена»). На первом этаже брамы были высокие и широкие дубовые ворота с калиткой в одной створке, на втором, куда вела крутая лесенка, – икона и алтарь местночтимого Св. Николая Чудотворца. Внутри фольварк был разделен более низким дощатым забором с дверями и калитками на официальную, жилую и хозяйственную части. Первая занимала центральную часть. Там были административное здание с приемным залом в 3 больших окна и канцелярия поменьше. Рядом находились конюшня и сарай для «казенных» коней и повозок, винокурня, пекарня «для выпечения хлеба и приготовления еды для челяди», как указано в документе. «Резиденция дворян» состояла из трех жилых домов. Один был двухэтажным: 6 жилых комнат – на первом этаже и большой зал для приемов – на втором, имел 8 дверей и 20 окон (круглого стекла в деревянной оправе). Второе здание предназначалось для камердинера и домашних слуг, в третьем готовили еду для дворян и их гостей. В самой обширной хозяйственной части находились гумно и овин, 3 амбара для зерна, сеновал, 3 конюшни на 36 лошадей, повети и сараи для повозок, воловня для тягловых быков, хлева для коров и коз, свинарник, загоны для домашней птицы, заглубленный в землю ледник, небольшая кузница, а также несколько жилых изб для фольварковых работников. Официальные и дворянские строения были из тесаного бруса, под гонтом, с дощатым полом и даже паркетом в залах, обогревались большими печами, обложенными зелеными и белыми изразцами. Здесь имелись каминные и даже внутренние туалеты. Крестьянские избы и крупные хозяйственные